

22. Юшко О. Ю. Понятийное поле лингвокультурного типажа «герой» // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2011. № 1(13). Т. 2. С. 184–189.
23. Ярмахова Е. А. Коммуникативный типаж «чудак» в английской лингвокультуре: автореф. дис ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Е. В. Купчик

**Проявления интертекстуальности в речи В. Т. Спивакова:
к характеристике языковой личности**

В статье рассматриваются разные формы интертекстуальности в речи В. Т. Спивакова; определяется их роль в характеристике языковой личности известного музыканта.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, цитата, языковая личность.

Elena Kupchik

**Manifestations of Intertextuality in the Speech of V. T. Spivacov:
to the Characterization of Linguistic Personality**

The article considers different forms of intertextuality in the speech of V. T. Spivacov. Their role in characterization of linguistic personality of a famous musician is determined.

Key words: intertextuality, alluzion, quote, linguistic personality.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики в качестве главного объекта научного внимания рассматривает человека, личность которого определяется как «совокупность способностей, знаний, интересов, как носитель сознания, языка и культуры» [3, с. 186].

Изучение языковой личности (ЯЛ) представлено в многочисленных научных трудах – Ю. Д. Апресяна, Г. И. Богина, Т. В. Булыгиной, А. Вежицкой, С. Г. Воркачева, В. Г. Костомарова, Б. А. Серебrenикова, Ю. С. Степанова и других ученых, рассматривающих феномен ЯЛ в разных аспектах, в рамках различных концепций. Широкое распространение в отечественной лингвистике получила концепция Ю. Н. Караулова, согласно которой структуру ЯЛ образуют три уровня: вербально-семантический, отражающий степень владения обыденным языком, когнитивный, связанный с языковой моделью мира ЯЛ, ее тезаурусом, культурой, а также прагматический, которому принадлежат мотивы и цели, определяющие развитие ЯЛ [7]. В структуре конкретных ЯЛ присутствуют те или иные вариации составляющих ее уровней.

Среди объектов изучения ЯЛ выделяются обобщенные (например, выделенные В. И. Карасиком лингвокультурные типажи) и конкретные, стандартные и творческие, статичные и динамичные и т. д. В обширной

литературе, посвященной ЯЛ, представлены такие типы, как русская языковая личность (Ю. Н. Караулов, А. Б. Бушев, С. В. Оленев), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), национальная языковая личность (Ле Дык Тху), диалектная языковая личность (В. Д. Лютикова), словарная языковая личность (В. И. Карасик), культурная языковая личность (Н. А. Тупикова), социологическая языковая личность (О. Клапп), стандартная и нестандартная языковая личность (В. П. Нерознак) и др.

Особым видом ЯЛ является элитарная языковая личность. О. Б. Сиротина в работе, посвященной основным критериям хорошей речи, пишет о двух сложившихся типах речевой культуры – среднелитературном, характерном для большинства образованного населения России, и элитарном, носителям которого свойственно как владение всеми нормами литературного языка, так и знакомство с достижениями национальной и мировой культуры, с шедеврами литературы и искусства, представление о гениях науки, знание артефактов материальной культуры и т. д. [12]. На фоне невысокой речевой культуры современного общества, по мнению ученых, приоритетным для лингвистов становится изучение ЯЛ носителей элитарной речевой культуры [11, с. 402].

В настоящее время имеется ряд исследований элитарной языковой личности, прежде всего деятелей литературы и науки: А. С. Пушкина (А. А. Михеев), А. А. Вознесенского (О. В. Федотова), В. В. Виноградова (Л. Н. Кузнецова), Ю. М. Лотмана (Л. М. Салимова), Д. С. Лихачева (Т. В. Романова), А. Ф. Лосева (В. В. Дружинина) и др.

Объектом нашего внимания является языковая личность В. Т. Спивакова – выдающегося скрипача и дирижера, основателя камерного оркестра «Виртуозы Москвы», руководителя и дирижера Национального филармонического оркестра России, удостоенного высоких наград и званий как за достижения в области исполнительского искусства, так и за вклад в российскую и мировую культуру (ордена «За заслуги перед Отечеством» III и II степени, Дружбы народов, орден Почетного легиона и др.); с 2002 г. – почетного профессора, а с 2019 г. – почетного доктора Московского университета. Владимира Спивакова называют «хранителем и носителем культуры народа», «человеком удивительного энциклопедизма», отмечают его «уникальный интеллект» [4, с. 135–138].

Материалом для исследования послужила речь В. Т. Спивакова, зафиксированная – в аутентичном виде – в книге С. М. Волкова «Диалоги с Владимиром Спиваковым» (далее «Диалоги»; страницы указаны по данному изданию) [2]. С. М. Волков является автором книг-диалогов с И. Бродским, Д. Шостаковичем, а также исследований по истории русской культуры. Книгу составляют диалоги двух собеседников, объединенных не только многолетним знакомством начиная с обучения по классу скрипки у одного и того же профессора в музыкальной школе при Ленинградской консерватории, но и общей культурной базой, позволяющей разговаривать «на одном языке» о том, что интересно и важно для каждого из них: музыке, литературе, философии, истории, о человеческих судьбах и т. д.

Форма диалога предоставляет широкие возможности для раскрытия человека как языковой личности. И. Н. Казакова справедливо отмечает, что сущность элитарной ЯЛ не исчерпывается ее владением языковым богатством и определенным запасом знаний; важным является стремление поделиться своим опытом с собеседником и сделать это творчески, органично и доступно [6].

Для речи В. Спивакова весьма характерны разнообразные проявления интертекстуальности. Определяемая в самом общем виде как «текст в тексте», интертекстуальность создается с помощью разнообразных «цитатных включений», соотносимых с авторскими или неавторскими прецедентными текстами [10, с. 56].

В настоящее время существует значительное разнообразие мнений относительно типологии форм интертекстуальности, что касается и таких традиционно выделяемых собственно интертекстуальных типов, как цитата, аллюзия, реминисценция. Например, цитата и аллюзия соотносятся как полное, целостное и неполное, выборочное; в то же время встречается широкое понятие и цитаты как родового понятия для аллюзии и реминисценции, и аллюзии, включающей реминисценцию (Ю. М. Лотман, Н. А. Фатеева и др.). Вместе с тем вопрос о четком разграничении вышеназванных форм интертекстуальности не всегда является принципиальным, что обусловлено общей для данных элементов целью – «внести дополнительные смыслы в авторское произведение и воплотить преемственность литературной (шире – культурной) традиции [5, с. 140].

Антропонимическое пространство «Диалогов» представлено именами не только людей, профессионально связанных с музыкой (композиторов, исполнителей, дирижеров), но и создателей художественных текстов, философов, художников, театральных деятелей и др. Большинство проявлений интертекстуальности связано с литературной сферой. Автор «Диалогов» характеризует В. Спивакова как разностороннюю личность, особо отмечая любовь к поэзии и знание ее: «Он умница и эрудит, боксер, художник и философ <...>, классический музыкант мирового масштаба, звучным баритоном цитирующий – разбуди его ночью! – Цветаеву, Ахматову и Бродского» (с. 9, 13). В речи В. Спивакова присутствуют отсылки к произведениям широкого круга авторов, среди которых А. Пушкин, А. Блок, И. Бродский, В. Брюсов, В. Маяковский, Б. Окуджава, И. Северянин, Б. Пастернак, С. Цвейг и др., а также к произведениям, авторы которых не называются (например, театральных пьес), и литературных персонажей.

Интертекстуальные элементы (далее ИЭ) литературной сферы отличаются широким варьированием объема – от однострочной цитаты до крупных фрагментов, а иногда и целых текстов. Интертекстовый материал распределяется нами по нескольким группам в зависимости от степени значимости соответствующих произведений и их авторов для В. Спивакова, а во-вторых, от ситуаций использования ИЭ.

К группе ИЭ текстов, имеющих особую значимость для В. Спивакова, отнесено прежде всего содержимое футляра скрипки – «вместилища реликвий, того, что особенно памятно, с чем не расстаются» (с. 17). Помимо писем и фотографий близких в качестве таких реликвий упоминаются три молитвы. Первая из них принадлежит о. Александру Меню (не цитируется). Вторая – молитва И. Ильина (с комментарием: «последняя», «исчерпывающе простая»): «Соблуди мою свободу в жизни творчестве, ибо свобода моя – свершение воли Твоей». Третья – молитва матери Терезы «Я просила...» («самая, наверное, главная») текст которой, приведенный полностью, завершается словами: «Я не получила ничего из того, что хотела, – / я получила все, что мне было НУЖНО! / Бог услышал мои молитвы», – то есть дал испытания, в преодолении которых человек обретает мудрость, мужество, любовь.

В группу ИЭ текстов авторов, особо значимых для В. Спивакова, входят фрагменты произведений широкого круга поэтов и писателей разных времен. Из «Диалогов» явствует, что В. Спиваков обладает не только значительной эрудицией, касающейся и деталей биографии (в том числе творческой) тех или иных авторов, и знания их произведений (что, собственно и позволяет маэстро свободно цитировать целые строфы и даже полные тексты), но и глубоким пониманием произведений и собственными критериями восприятия как авторов, так и их творений. Например, литературное творчество рассматривается сквозь призму музыки. В. Спиваков отмечая, что М. Цветаева вошла в его жизнь еще в юности строчками «О, золотые рыбки! – Скрипки / в моих руках», обращает внимание на музыкальность ее образов: «Был восхищен ее сравнением хроматической гаммы с “водопадом горного хрусталя”»; «Для Цветаевой рояль – душа, с молотками, со струнами рвущимися» (с. 284). Музыкальными для В. Спивакова предстают и поэты (Цветаева, Ахматова, Мандельштам), и прозаики, и драматурги. Обращаясь к собственным именам «Дьяволиады» и «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, В. Спиваков говорит о «необычных музыкальных ассоциациях» писателя (с. 200). Чеховских «Трех сестер» В. Спиваков «прочитал по репликам и ремаркам» – в виде эксперимента – как партитуру: «Самое начало третьего акта – *Маша, задумавшись над книжкой, тихо насвистывает песню*. Можно не обратить внимания на незначительную деталь. Но у Чехова все имеет значение. Книппер-Чехова вспоминала о замечании Антона Павловича (разговор, кажется, касался доктора Астрова из «Дяди Вани»), что человек, когда носит в себе горе, – насвистывает. В этой сцене пока все хорошо...ничто не предвещает трагедии. Кроме этого тихого, случайного вроде бы свиста. В нем предвестие, знак» (с. 279). К самым немusикальным писателям В. Спиваков относит Толстого и Достоевского: «В «Крейцеровой сонате» много музыкальных оплошностей. Толстой потряс Чайковского, при первой встрече заявив, что Бетховен бездарен. Чайковский просто сошел с ума. Писал потом в письмах, что совсем растерялся» (с. 280).

Говоря о А. Пушкине, В. Спиваков делает отсылки к фактам биографии поэта (поступление в Царскосельский лицей, первое стихотворение на французском языке, посвященное Е. Бакуниной, путешествие с Раевским и т.д.), приводит анекдот с упоминанием Пушкина и Кюхельбекера. Предметом внимания маэстро являются и история создания произведений (пример с цыганской песней, вдохновившей Пушкина на написание поэмы «Цыганы»), и его персонажи (Онегин наряду с лермонтовским Печориным – один из любимых героев), и строки его произведений, сопровождающиеся комментариями, например: «Он (юный музыкант – Е. К.) пытается “музыку разъять, как труп”, как замечательно определил Пушкин» (с. 59); «Там (в «Моцарте и Сальери». – Е. К.) все гениально, все пронизано музыкой: “Из наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает, / Но и любовь мелодия” (с. 277). Оркестр «Виртуозы Москвы» задумывается его создателем по образцу воспетого Пушкиным «лицейского братства».

К постоянно цитируемым В. Спиваковым поэтам относится И. Бродский, о духовной близости с которым в «Диалогах» упоминается неоднократно. Приводя фрагмент из «Строф» («Все кончается скукой...»), В. Спиваков отмечает: «Когда читаю эти строчки – каждый раз слышу интонацию близкого друга, с которым столько всего переговорено и пережито...Его слова для меня не цитаты, нет, это мои осознанные и неосознанные мысли, чувства» (с. 274). Цитируется и значительная часть составленного Бродским списка книг, «которые должен прочесть каждый» – с комментариями, касающимися как обстоятельств его создания, так и перечня имен. Данный список характеризуется В. Спиваковым как «неоднозначный, безусловный», «субъективный», в котором по необъяснимым причинам отсутствуют Боккаччо и Толстой, но при этом отражающий основы мировой культуры (с. 274–275).

Б. Окуджава упоминается как основатель (наряду с Галичем и Высоцким) жанра авторской песни, как автор песен, ставших «балладами поколения», исторических романов, но прежде всего как человек, личность и творчество которых являлись В. Спивакову «близкими по духу». Одним из свидетельств этого является стихотворный диалог: «Отъезд», посвященный Б. Окуджавой В. Спивакову, и ответное «Путешествие дилетанта». В стихотворении В. Спивакова обнаруживаются и цитаты, и аллюзии, и реминисценции, начиная с заглавия – названия романа Б. Окуджавы. Автор использует цитаты из «Отъезда», переосмысливает окуджавский образ сердца, мотив пути и др. – и вместе с тем создает оригинальный текст высокого поэтического уровня, что дало Б. Окуджаве основание назвать В. Спивакова «еще и замечательным поэтом» (с. 264).

Группа ИЭ, отражающих литературные ассоциации музыки, представлена главным образом цитатами, посредством которых передается восприятие музыкального произведения. Например, впечатление от звучания органа, впервые услышанного в польском костеле в Ковенском переулке послевоенного Ленинграда, передано пушкинской строфой из

«Моцарта и Сальери»: «Ребенком будучи, когда высоко / Звучал орган в старинной церкви нашей, / Я слушал и заслушивался – слезы / Невольные и сладкие текли...» (с. 22). Игра В. Спивакова на скрипке в сопровождении органа в костеле г. Бирштанас вызвала реакцию слушателей, описанную музыкантом с использованием строки А. Блока: «И когда заиграла скрипка, люди решили, что это «голос сверху». В общем, получилось почти как у Блока – “девушка пела в церковном хоре”, – но тут пела скрипка» (с. 45). Дебютное выступление в качестве дирижера с китайским оркестром, исполнявшим первую часть Четвертой симфонии Чайковского, В. Спиваков признал успешным, «услышав» в звучании оркестра образы русской литературы, связанные с первым балом: «И вот представь себе: китайцы, которые ничего не знали ни о кадетах, ни о Наташе Ростовской, вдруг начали играть в точности так, как я хотел, – прямо со звуком шпор и шорохом бальных платьев!.. Тогда я и понял, что стал настоящим дирижером» (с. 127).

Группу ИЭ, маркирующих этапы жизни, детали биографии, составляют цитаты и аллюзии, посредством которых В. Спиваков передает свое восприятие периодов жизни, значимых событий. Приведем некоторые примеры.

О детстве: «Ощущение раннего ленинградского детства у меня ахматовское – “Был блаженной моей колыбелью / Темный город у грозной реки” (с. 23). «Моя память сохранила голос Ольги Берггольц, звучащий из репродуктора: “И первый гроб, обитый кумачом, / Проехавший на катафалке красном, / Обрадовал людей – нам стало ясно, / Что к жизни возвращаемся и мы / Из недр нечеловеческой зимы”. И вот этот голос великой Берггольц я до сих пор слышу в своем сознании» (с. 25).

О судьбе родственника – ученого, по возвращении из-за границы получившего 20 лет лагерей: «Облака плывут в Абакан, / Не спеша плывут облака. / Им тепло небось, облакам, / А я продрог насквозь, на века! *Александр Галич*» (с. 112).

О распаде первого состава «Виртуозов Москвы» «по сугубо материальным мотивам»: «Так все и произошло – «любовная лодка разбилась о быт» (с. 138).

Об уходе первой жены: «Честно признаюсь, я хотел повеситься. В буквальном смысле лишить себя жизни.<...>. Меня остановил только Данте, в строках которого я пытался найти утешение. В его “Божественной комедии” есть лес самоубийц. <...>. Ты превращаешься в семя, из которого вырастает дерево. И в ствол этого дерева начинают вгрызаться гарпии – и ты ощущаешь безумную боль. Данте дал мне понять – мы не уйдем от своей боли, даже сведя счеты с жизнью» (с. 140).

О произведении А. Шнитке «Пять фрагментов по картинам Босха», посвященном В. Спивакову: «Я никогда ни о чем никого не просил, особенно чтобы мне посвящали сочинения.<...> Живу в этом смысле по Булгакову: “Никогда ничего не просите. Сами предложат и сами все дадут...”» (с. 243).

Группу ИЭ, характеризующих житейские ситуации, составляют интертекстуальные включения, используемые при описаниях (иногда ироничных) тех или иных случаев из жизни В. Спивакова, зачастую бытового характера. Например, в рассказе о том, как двое музыкантов жили в испанском отеле без денег и билетов, пока им не пришел на помощь импресарио Альфонсо Айхон, В. Спиваков отсылает слушателя к героям известной в свое время истории о злоключениях унесенных в море военнослужащих («Мы чувствовали себя зиганшинами – помнишь солдат, которых унесло на барже в море, и они через месяц ели кожаные ремни и варили свои сапоги, бедные ребята!»), а затем к персонажам романа Ф. Рабле: «Мы, как Гаргантюа с Пантагрюэлем, первым делом накинудись на еду» (с. 106). Рассказ о ночном нападении грабителей в Париже включает цитату из стихотворения «Опять Шопен не ищет выгод...» Б. Пастернака: «...Поскольку, уходя от удара, я отступил, то споткнулся и распластался на тротуаре. “Упасть на старый тротуар”, как у Пастернака» (с. 257). Интересно, что в данном стихотворении упоминается о «впотьмах приставших горлопанах».

В «Диалогах» приведены случаи использования литературных текстов в ситуациях знакомства с людьми, для которых содержание цитируемого объекта оказывается объектом размышления творческого плана. Таков, например, первый разговор В. Спивакова с Д. Шостаковичем, спросившим о книге в руках собеседника: «Блок? Я тоже люблю Блока. А какое стихотворение вам нравится особенно? И я прочитал ему: “В ночи, когда уснет тревога / И город скроется во мгле – / О, сколько музыки у бога, / Какие звуки на земле!”»; далее сообщается, что спустя много лет это стихотворение вошло в блоковский цикл Д. Шостаковича – с указанием, что для композитора, «как я впоследствии понял, ключевыми были не первые, а последние строки; “Прими, Владычица вселенной, / Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба – / Последней страсти кубок пенный / От недостойного раба!”» (с. 204–205). Во время первой встречи с Г. Товстоноговым В. Спиваков на вопрос собеседника о том, как он добивается «длинных музыкальных фраз», ответил произнесенным на одном дыхании стихотворением В. Брюсова «Из-за облака скользящий...» (с. 249–250). Отметим, что в «Диалогах», как и во многих изданиях произведений В. Брюсова, сохранилась опечатка – «луч над эмблемой водой» вместо того, что написал В. Брюсов в первом издании сборника «Tertia vigilia»: «луч над *зыблемой* водой» [1, с. 131].

Рассмотренные ИЭ связаны с такими компонентами языковой личности, как ценностный (система ценностей, иерархия духовных представлений, передаваемых языком), культурологический (уровень освоения культуры), личностный [9, с. 119]. Многочисленность и разнообразие интертекстуальных элементов в речи В. Спивакова, их принадлежность текстам высокого литературного, духовного, эстетического уровня, естественность их появления в речи, свободное использование их говоря-

щим позволяет сделать вывод о несомненной принадлежности В. Т. Спивакова к элитарной культуре, которая «в пестрой мозаике человеческих культур <...> является важнейшим слагаемым духовности нации» [8, с. 6].

Список литературы

1. Брюсов В. Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897–1900. М.: Скорпион, 1900. 173 с.
2. Волков С. М. Диалоги с Владимиром Спиваковым. М.: Изд-во АСТ, 2017. 319 с.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с.
4. Гукасова М. М. Персона как медийный феномен социокультурного процесса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1. Ч. 2. С. 135–139.
5. Еременко Е. Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Урал. филол. вестн. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. № 6. С. 130–140.
6. Казакова И. Н. Элитарная языковая личность в портретных интервью: аспекты коммуникативного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12701> (дата обращения: 02.03.2020).
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: URSS, 2007. 264 с.
8. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
10. Петрова Н. В. Интерсубъектная интертекстуальность // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2018. № 1. С. 56–65.
11. Салимова Л. М. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности // Рос. гуманитар. журн. 2013. Т. 2. № 4. С. 402–407.
12. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 16–28.

Е. В. Карпова, Т. Н. Пермякова

Конструкции с элементом *когда* как фотоподпись в интернете

Статья посвящена фотоподписи как специфическому жанру современной коммуникации. Выявляется специфика фотоподписи, обусловленная особенностями среды, – мема как феномена интернет-коммуникации. Особое внимание уделено языковому воплощению исследуемого жанра, а именно конструкциям с элементом *когда* – их вариативности в структурно-семантическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: фотоподпись, жанр, интернет-коммуникация, мем.

Elena Karpova, Tatiana Permjakova

Constructions with the Element ‘when’ as a Photo Captiona in the Internet

The article reviews photo caption as a specific genre of modern communication. The author reveals the specifics of this genre due to the particularities of the environment – meme